

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА СОКОЛОВА

Наша переписка с Борисом Сергеевичем ожидалась в середине 90-х годов и в особенности в последнее десятилетие, когда его визиты в наш город стали сначала нерегулярными, а позже прекратились. Борис Сергеевич ценил именно почтовые письма, и не случайно объявление о его 90-летию заканчивается так: *«Юбилей покорнейше просит не направлять ему специальные поздравительные адреса и электронные телеграммы, но будет рад получить ко дню своего рождения любые почтовые весточки от своих многочисленных учеников, последователей и друзей»*.

«Так приятно получать Ваши письма, написанные живой рукой, — пишет он мне 24.08.2011. — Это ведь тоже этикет! Письмо от руки — это близость и доверие. Слов нет, читать легче машинопись и очень часто это необходимо, но чернильная строка скрадывает дистанцию, она — разговорная». В 2011 г. получил от него восемь писем, в 2012 — 11, в 2013 — пять, последнее от 25 июня. В обе стороны шли ответные письма.

Вот и решил поделиться некоторыми отрывками из писем Бориса Сергеевича. Без собственных комментариев.

Начну о положении в стратиграфии и о Международной комиссии по стратиграфии. Письмо от 7.08.2003: *«Вполне очевидно, что в складывающейся рыночной геологии научная стратиграфия вовсе не нужна, но я рад, что большинство наших геологов не рыночники и ими движет интерес к науке. Их время настанет, когда станет очевидным, что фонды для воровства исчерпаны, и всё надо начинать сначала. Поэтому всячески приветствую твердое желание Александра Ивановича делать свое дело. При этом меньше всего следует оглядываться на то, что исходит от Международной комиссии по стратиграфии — там засели дельцы-грантодержатели, ошалевшие от успехов прибористики, а не от явлений реальной природы. МКС ведет к кризису стратиграфии, отдает предпочтение методике и аппаратуре, а не геологическим наблюдениям и геологической карте, нуждающейся только в реальной стратиграфии, а не в модных идеях. Особенно меня сейчас пугают дела протерозойские, где власть захватили люди, далекие от геологии — геофизики, ботаники, философы, историки и разнотипные классификаторы»*. Письмо за 30.04.2001: *«Хорошо, что вы представили [в МКС] материалы, отражающие российскую точку зрения, и полагаю, что такая страна-континент, как Россия, имеющая блестящую геологическую историю своей деятельности, во многом имеет право опираться на свой опыт: он важнее взглядов меняющихся председателей МКС»*.

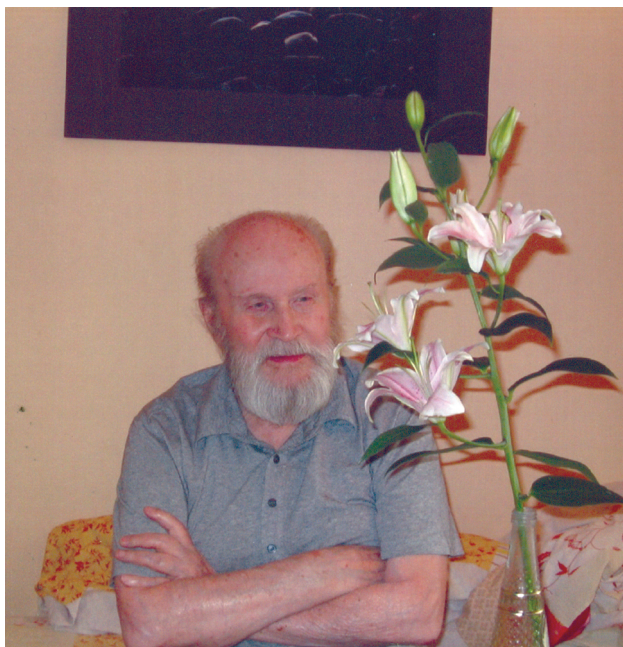
Во многих письмах Борис Сергеевич обсуждает понятия — биосфера, геомериды (или биогеомериды) и геологическое время. *«В. И. Вернадский в своей*

концепции 4-х геосфер — лито-, гидро-, атмо- и биосфера ввел понятие живое вещество, что было вполне естественно для геолога и геохимика. Но зоолог, биоценолог и систематик В. Н. Беклемишев не мог этого принять, так как видел в живом прежде всего живой дискретный мир организмов, а не вещество, и назвал его геомеридой (от греч. teros — часть, доля). Это то, что сейчас передается словом биоразнообразие и с чем имеем дело мы — палеонтологи, геологи, зоологи, ботаники, экологи, биогеографы и т. д. Я ввел только в термин Беклемишева для уточнения частицу био — биогеомериды, совершенно не изменяя смысла» (7.05.2008).

«Боюсь, что я Вам уже надоел своими рассуждениями о биосфере, геомериде и геологическом времени. Но эти три понятия — главная реальность, на которую мы опираемся в своих заключениях о геологическом и историко-биологическом процессе на Земле. Для нас с Вами, как в фокусе, эти реальности сходятся в стратиграфии: косная среда — ее продукты, жизнь и время. У нее есть и другие основания. Но эти — главные — неоперационные» (4.09.2009).

Интересно у Бориса Сергеевича сравнение В. Н. Беклемишева с А. А. Любищевым: *«Мне повезло еще в Ленинградские годы дома встречаться с В. Н. Беклемишевым и А. А. Любищевым — они имели тесные связи с Поленовской семьей еще с Пермских времен, где в 1916 году был открыт последний довоенный Университет России, как отделившийся от Петроградского. Они были истинными друзьями на протяжении всей жизни, в очень многом — единомышленниками и несомненно (и это главное) — духовно близкими людьми. Но они были разными людьми по темпераменту: первый уравновешенный, блестяще образованный и аристократичный глубокий мыслитель, второй — демократичный, неистовый полемист, признававший интеллектуальное превосходство и неоспоримый авторитет друга, но дороживший своим инакомыслием. В биологии их объединял глубокий интерес к классификации, методам систематики, структуре биологических целостностей, но если для Любищева на первом месте всегда стояла морфология, во всем ее разнообразии, с использованием количественных методов, то для Беклемишева важны были и физиология, и экология, и история живых систем (биоценология), а классификацию Беклемишев принимал только как иерархическую. Но, конечно, оба они были идеалисты в лучшем смысле слова»* (6.11.2011).

При обсуждении геосфер возник вопрос и о ноосфере. Мое отношение к этому понятию предельно критическое. Так и написал Борису Сергеевичу: *«Вся история Человечества, наряду со всем положительным, — это приобретение все более всеобъемлющих методов и орудий уничтожения людей. Это тоже включается в ноосферу, или как?»*

Борис Сергеевич Соколов, 2 июля 2010 года

Или я очень примитивно понимаю? Или вовсе не понимаю?» (6.07.2007).

Получил такой ответ: *«Похоже, что ваше отношение к ноосфере такое же, как мое. На одном из последних заседаний АН, выступая по докладу Г. А. Захарина, я сказал, что ноосфера в изложении наших современных пропагандистов такая же химера, как коммунизм (наш всегда сдержанный зал неожиданно вспыхнул аплодисментами)» (16.08.2007).*

Борис Сергеевич о происхождении жизни и появлении жизни на Земле в письме от 24.11.2008:

«В своих многочисленных выступлениях, в том числе на сессиях Палеонтологического общества, я всегда говорил только о появлении жизни в ее завершающих формах — таксонах и биогеоценозах, т. е. о разнообразии, эволюции и истории, а не о происхождении. В решении проблемы происхождения жизни (самой фундаментальной в естествознании) палеонтологические методы не работают, так как они связаны со стратиграфическими секвенциями, заключающими уже завершённые результаты биологической эволюции.

В проблематике наших сессий я никогда не выдвигал тем, имеющих отношение к происхождению жизни, хотя уже давно был избран членом Международного общества по изучению происхождения жизни (ISSOL). Уже на первом для меня симпозиуме этого общества в Японии (1979) я подчеркнуто говорил только о появлении жизни в докембрии, и прежде всего в венде.

У исследователей, занимающихся вопросами происхождения жизни, и палеонтологов, имеющих дело с «готовыми» формами жизни в докембрии, а точнее — в докембрийской биосфере Земли, существует естественный взаимный интерес, как например, у палеонтологов и неонтологов. Но это не означает, что грань между происхождением и появлением жизни пройдена. Эта коллизия — важнейшая в науках о жизни и биосфере Земли как планете, на которой биосфера впервые возникла как среда, охваченная жизнью в ее дискретной форме».

С большой болью Борис Сергеевич переживал все, что происходит в родной стране — России.

Поздравляя нас с Ириной Николаевной с наступающим 2011 годом и желая семейного благополучия и всех доступных локальных (подчеркнуто) радостей, он пишет: *«О региональных и глобальных не говорю, не рискую, т. к. ничего хорошего не жду. Это удивительно, как все стало сжиматься вокруг с е м ь и — только она крепость. Наша трагедия — невосвратно потерянные двадцать лет и особенно последнее десятилетие... Простите, ради Бога, за срыв — меня страшат будущие испытания России. Мы не можем и не должны тягаться с Америкой. Российский путь — это социализм с ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ лицом. Впрочем это путь и всего человечества, а не анархический капитализм под управлением казнокрадов» (12.12.2010).*

С некоторых пор Борис Сергеевич был вынужден не покидать квартиру, однако был в курсе многого и в том числе, естественно, Академии. 17 апреля 2003 г. пишет: *«свежесть и интерес к жизни у меня иссякает. А главное, наступила какая-то апатия, даже к любимым занятиям и переписке, что я по-старинному всегда любил. Одна из причин — конечно, хвори почти на всю зиму, академическая бесптолковщина и беспутство, и полнейшее равнодушие — у одних из замордованности (большинство), у других от безверия. Кажется, впервые понял, что значит “болит душа”».*

Послал я Борису Сергеевичу свою заметку о дарвинизме, где процитированы слова президента Академии Ю. С. Осипова о разном отношении членов Академии к этому учению, но произнесенные с некоторым отнюдь не положительным подтекстом. Ответ Бориса Сергеевича (4.06.2010): *«Палеонтология и стратиграфия обязана Дарвину больше, чем кому-либо другому из естествоиспытателей прошлого. И я тоже разделяю Вашу точку зрения на более чем странное выступление Ю. С. Осипова по поводу дарвинизма как научной теории. Это грустное недоразумение, возникшее из-за перехлёста власти в отношениях с РПЦ. Она нуждалась в поддержке, но надо же знать меру и эту меру должен определять глава Академии наук, а не партия единороссов. Её председатель в Гос. Думе пошел еще дальше — он возмущен, что «Академия наук берет за решение, что наука, что лженаука. Войнующая серость опять тянет в Лысенковщину, а Президиум РАН не может сформулировать ясно свою позицию».*

В нескольких письмах генеральному директору ВСЕГЕИ Олегу Владимировичу Петрову и мне пишет о необходимости сохранения существующей триады ВСЕГЕИ — МСК — Палеонтологическое общество, разрушение которой *«было бы ошибкой с далеко идущими последствиями для науки и прикладной геологии, нуждающейся в эффективной поддержке со стороны Института» (30.09.2009).*

В одном из писем (30.12.2011) он обеспокоен предстоящим 100-летием Общества: *«...есть еще один очень важный вопрос, который Вы уже подняли — это столетие Палеонтологического общества в 2016 году, т. е. через 4 года. Это совсем небольшой срок для подготовки такой юбилейной сессии с приглашением обществ всех стран СНГ и гостей из дальнего Зарубежья. Должна быть тщательно подготовлена программа, для чего я хотел бы сейчас наметить Организационный комитет. Такая сессия должна пройти в Санкт-Петербурге, под эгидой Санкт-Петербургского научного центра РАН и ВСЕГЕИ. Очень важно уже сейчас назвать основные разделы программы и их возможных кураторов*

и даже докладчиков. Конечно, должна быть выставка российской палеонтологической литературы и музейных коллекций.

Вторая часть этого мероприятия должна пройти в Москве на базе Палеонтологического музея и института РАН. Возможно, и в Сибирском отделении РАН.

Словом, это должен быть праздник Российской палеонтологии».

Размышления о своем возрасте, о своеобразном вынужденном быте, об уходе в мир иной никогда не были приоритетными в письмах, а просто вкраплениями.

После 90-летия (8.03.2006): «не перестаю удивляться, что опять наступила новая весна, а я дотянул почти до 92 лет без одного месяца. Пожалуй, это геронтологическое излишество, но — благодаря Богу — с ума не спятил. Впрочем, еще есть время».

Снова из письма: «У меня нет основания скулить о своем одиночестве и забытости. Я хорошо знаю отношение к себе в близком мне круге и очень это ценю. Я так плотно занят каждый день, что (смешно сказать!) мне иногда не хватает времени. Просто удивительно, как много еще людей не придают значение моему возрасту и не восклицают: “А что, разве он еще жив?”» (12.12.2012).

О своем быте: «У меня сейчас ... нет обеденного стола — все занимает гладильная доска перед кроватью и это уже пятый год. За ней я читаю, пишу, размышляю, смотрю телевизор (конечно, очень выборочно) и питаюсь. И так от сна до сна, но и сонто — продолжение дня. Я очень ценю теперь этот неожиданный досуг. У меня никогда не было так много времени для размышлений» (24.08.2011). В конце 12-го или начале 13-го года гладильная доска была заменена удобным столом на колесиках.

Строчки об уходе из жизни и о 100-летию появились только в письмах 2013 года. 23 января Борис Сергеевич пишет: «Мое состояние было действительно не праздничное ... у меня некоторые осложнения со спецификой моего бытия — лёжа и сидя, и некоторая растерянность: раз зажился — надо делать то, что можешь не только по своим интересам, но и по долгу совести и ответственности — перед кем? — близкими, наукой, Академией, общественным долгом и, наконец, перед самим собой». Дальше в письме о В. И. Вернадском, о венде, о майской конференции в ГИН'е и о вступительном слове на 59-й годичной сессии Общества.

Годичные сессии Общества последнего десятилетия проводились во вторую неделю апреля, после Дня геолога. Именно на это время падали дни рождения Бориса Сергеевича. Если он присутствовал, то поздравляли с цветами; если отсутствовал, звонили от имени участников по телефону, посылали телеграмму. 59-я сессия закончилась 5 апреля, и общее поздравление послали и звонили уже позже.

В письме от 18 апреля Борис Сергеевич благодарит за проведенную сессию, пишет о конференции в ГИН'е, вспоминает о давней командировке в Китай вместе с Дмитрием Васильевичем Наливкиным и другими, сообщает, что специально мне будет послан текст по «Вендскому вопросу» после перепечатки Наташей (текста я так и не получил), и далее о своем 99-летию: «Дома день 9 апреля прошел превосходно. Накануне из Питера приехал внук Андрей с правнучкой — экологом, магистром Настенькой. В кабинете был установлен у кровати большой круглый стол, а вокруг — все близкие с сестрой Лидией

Сергеевны (ей 91!), во главе. Тамадой была Анастасия Гниловская (внучка. — А.Ж.). А из Питера на экран компьютера Андрея была приглашена его жена Ира — поздравляла и пела. Чудеса техники!»

В этом же письме есть одно замечательное утверждение: «...тревоги и переживания у нас были из-за резких скачков моего давления и падения пульса до сигнала SOS! Сейчас, кажется, все устоялось. Хотя пульс падает до 34-х ударов, но я быстро оправляюсь. Работаю как и прежде — мысль лечит!»

Вот это утверждение — **мысль лечит** — важная характеристика Бориса Сергеевича как человека и ученого.

25 мая А. В. Каныгин, В. И. Краснов и я, как раз после конференции в ГИН'е, посетили Бориса Сергеевича. Вечером того же дня побывала у него племянница Ирина Львовна Жуланова, фотографировала. Эта вечерняя фотография в красной футболке за столом на колесиках была последней. Но я помещаю другую, ею же сделанную замечательную фотографию 2010 г.

В последующие дни мая состоялось Общее перевыборное собрание РАН. «А вчера, 29 мая днем, — пишет мне Борис Сергеевич 30 мая, — ко мне приехали провести и поговорить А. Э. Канторович, А. В. Каныгин и из прессслужбы СО РАН мой старый фотограф В. Т. Новиков. Сделал кучу снимков... Конечно, мы обсудили кандидатов на пост президента РАН на предстоящий срок... Через три часа после отъезда гостей узнал из последних вестей, что президентом избран В. Е. Фторов, которого избрали и мы при своей беседе. Я очень рад».

Просто страшно подумать, как бы Борис Сергеевич переживал то, что случилось впоследствии с Академией наук, и сколько месяцев В. Е. Фторов «дождался» утверждения его президентом.

И наконец, **последнее письмо от 25 июня**. Удивляется, что не получил никаких материалов о конференции в ГИН'е, что до сих пор не утвержден новый президент Академии, сообщает о визите А. Ю. Розанова и об общей с ним точке зрения на нижнюю границу кембрия:

«Приезжал ко мне С. В. Рожнов, спрашивал, как будем отмечать Ваше столетие. Обойти его нельзя. Сказал — как угодно, только без шумовых эффектов. Просил только возродить в ПИН'е работы по изучению кораллов и издать ротационным способом извлечение из 2-го тома «Основ палеонтологии» — моего раздела, — методически важного для начала исследований. Это обещано. А свое столетие я считаю каким-то неправдоподобным и не хочу о нем думать. А вот о России и науке думаю без конца — уж очень все тревожно и нет ничего устоявшегося и ясного по своей перспективе».

На днях Э. Н. Мирзоян спросил меня очень острожно: Какой Вам видится Россия? Ответил неожиданно для себя самого: «Москóвией», и самому стало страшно. Для 150 миллионов россиян ее вполне достаточно. И это итог нашей истории?!

Что скажете Вы, дорогой Александр Иванович, — солдат Отечества!»

Получил я это письмо 12 июля уже на даче и ответил 14-го, предложив написать заключительную главу о перспективах отечественной палеонтологии в книгу об истории Палеонтологического общества, над которой работаю уже второе лето. Не знаю, успел ли Борис Сергеевич прочесть мое письмо.

Все предыдущие цитированные письма — личные. Однако разве нельзя вступительное слово

на последней при жизни Бориса Сергеевича 59-й сессии считать его последним письмом *всем членам Палеонтологического общества*? По-моему, не только можно, но оно таковым и должно быть признано. Это не завещание, но о В. И. Вернадском, важные разъяснения и размышления о биосфере, стратисфере и геологическом времени. Называется вступительное слово «Палеонтология и историческая биосферология»*:

«Дорогие друзья!

Наступивший 2013 год объявлен годом Вернадского, родившегося 150 лет тому назад (12 марта 1863 года). Его имя постоянно звучало на наших собраниях... но сегодня есть повод продолжить обсуждение его идей. В истории науки Владимир Иванович занял совершенно особое место... Его идеи в науках о Земле и жизни, в миропонимании опередили свое время, но он с уверенностью говорил, что «царство моих идей впереди». Это время пришло, или правильнее сказать, приходит, поскольку глубина мысли Вернадского неисчерпаема и всеохватна, а человеческая мысль вообще была им впервые оценена как сила планетарного масштаба...

Термины биосфера и стратисфера он, как известно, взял у Эдуарда Зюсса, но справедливо считается, что целостное учение о биосфере (биосферологии в широком смысле) и представление о слоистой оболочке Земли (стратисфере) как хранилище хронологической информации о «былых биосферах», ставшие основой понимания и геологического времени, принадлежат именно В. И. Вернадскому... Стратисфера — очень тонкая внешняя геосферная оболочка Земли, но она самая информативная в геоисторическом смысле...

Образование стратисферы ознаменовало зарождение совершенно нового феномена — поверхностной физико-географической ландшафтной оболочки планеты. Вся дальнейшая история Земли оказалась связанной с осадочными бассейнами на поверхности зем-

ного шара: континентальными, морскими и Мировым океаном, в жизни которых первостепенную роль стали играть вода, атмосферные агенты и появившаяся впервые жизнь, связанные с энергетикой Солнца и энергетикой глубинных сфер планеты...

Стратисфера Земли, таким образом, является единственным во Вселенной феноменом геолого-географического происхождения, который сохранил важнейшие свидетельства геоисторического хода биологической эволюции Геомериды и эволюции геобиосферных систем в целом. Их этапность была раскрыта стратиграфией, ставшей исторической опорой всей научной геологии от архея до современности...

Завершает свое последнее вступительное слово Борис Сергеевич кратчайшим изложением идеи В. И. Вернадского о ноосфере — именно в его формулировках и убеждении в реальности этого феномена в будущем:

«Ноосфера станет подлинной реальностью только тогда, когда Человек в полной мере осознает, чем он сам обязан биосфере в своем появлении, поймет, наконец, что его появление в ней не случайно. В естественноисторический ход событий на Земле закономерным образом включился совершенно новый фактор — его творческий Разум.

Ноосферу В. И. Вернадский принял «как синтез природного и исторического процесса» (Вернадский, август 1944 года), связанный с деятельностью совершенно новой, уже биосоциальной общностью в Геомериде — людьми во всем их расовом и национальном разнообразии. Этот фактор в биосфере Земли необходимо признать как решающий в ее дальнейшей судьбе».

Преклоняясь перед Владимиром Ивановичем Вернадским, Борис Сергеевич, думаю, все-таки имел о ноосфере свое собственное мнение, о чем писал в цитированном выше письме. Хотя надежда на лучшее будущее всегда помогает в жизни.

Жамойда Александр Иванович — чл.-корр. РАН, председатель Межведомственного стратиграфического комитета (МСК), зав. сектором МСК, ВСЕГЕИ. <MSK@vsegei.ru>.

* Сб. «Систематика организмов. Ее значение для биостратиграфии и палеобиогеографии»: Материалы LIX сессии Палеонтологического общества. 1–5 апреля 2013 г. — СПб.: 2013. — С. 6.